

Сессия правды 1973, 6/11

Высокий Талант Аллы Тарасовой

ЗА ДВА ГОДА до наступления двадцатого столетия в жизни русской передовой интеллигенции произошло историческое событие — родился Московский Художественный театр. Судьбе было угодно, чтобы в этом же году в Киеве в семье врача Константина Тарасова родилась дочь Алла. Этой девочке было предназначено стать одной из лучших актрис МХАТа и вместе с такими великими артистами, как Москвин, Качалов, Леонидов, Книппер-Чехова, прославить его искусство не только у себя на родине, но и далеко за ее пределами.

Если бы были живы наши замечательные учителя Константин Сергеевич Станиславский и Владимир Иванович Немирович-Данченко, они, не сомневаясь, гордились бы тем, что в их театре выросла такая прекрасная русская актриса — Алла Константиновна Тарасова.

Есть несколько поколений зрителей, любящих Тарасову, знающих, какой она замечательный художник. И я знаю это, может быть, больше других, потому что в течение тридцати лет мне посчастливилось быть ее партнером по сцене. И я знаю одну из высших актерских радостей — радость общения с большим талантом. Если бы я был писателем, я бы написал книгу «Глаза Тарасовой». В «Анне Карениной» это были одни глаза, в «Чайке» совсем другие, глаза Марии Стюарт снова казались особенными. У Аллы Тарасовой умные глаза. Но вот во «Врагах», где она играла Полину Бардину, я увидел неожиданно круглые, пустые глаза. Это было поразительно.

Сколько людей — столько стилей. Это же можно сказать и об актерах: Стиль Аллы Кон-

стантиновны — один из самых драгоценных лично для меня. Всегда поражало и поражает ее трепетное отношение к своему искусству. Ни разу не видел, чтобы Тарасова пришла на репетицию, а тем более на спектакль, несобранной, неготовой. Знаю, что «какие-то ее актерские поиски были мучительны, но мы никогда не видели ее «кухни»: всегда были творческая заряженность, наполненность, блеск находок. Про нее иногда говорили: «Гордая», когда она просила, чтобы на репетиции не было никого чужих, никого лишних. А она не гордая, она очень стеснительная, как ни покажется странной эта черта в актрисе, ежевечерне выходящей под огни рампы. Но готовая роль, героиня, о которой она знает все от жеста до самого глубоко спрятанного чувства, — это одно. Путь к этой роли художника — другое.

Однажды случайно я видел, как Алла Константиновна вышла на балкон на даче и в безлюдье, в тишине стала провозносить монолог Марии Стюарт. Что-то еще не устраивало ее в этой роли, и она искала интонацию, одна, сама проверяя себя собственным внутренним слухом...

Талант Аллы Тарасовой — талант истинно драматический. Ей дано понять душу русской женщины, разобраться в самых тонких психологических ее особенностях. Вот почему она была так неповторимо хороша в чеховских ролях, в образах Островского и Толстого.

Есть одно, к чему Алла Константиновна непримирима, — равнодушие. Равнодушного, ремесленного отношения к театру Тарасова не терпит. Ведя курс в школе-студии МХАТ, она прямо-таки проповедует горение, полную отдачу актера его делу. Этот молодой характер Тарасовой роднит ее с молодыми. Им с ней легко говорить, они понимают друг друга.

Наверное, это же качество лежало в основе взаимного понимания Аллы Тарасовой и Олега Ефремова. Когда он пришел во МХАТ в качестве главного режиссера, Тарасова сразу же приняла его творческое кредо и со страстью начала работать в спектакле, который он ставил. Это признак живого, развивающегося таланта.

Что можно было бы пожелать Алле Константиновне в ее юбилейные дни? Обычно люди желают друг другу здоровья, счастья в личной жизни и успехов в труде. Здоровье и счастье у Аллы Константиновны есть. А вот последнее зависит не только от нее самой, но и от того драматурга, который принесет в театр пьесу, где будет роль по дарованию Тарасовой — роль современного, умного, сложного, яркого человека.

П. МАССАЛЬСКИЙ,
народный артист СССР.